

ВРЕМЯ — РОМАНТИКА — ТЕАТР

НАЧАЛСЯ новый театральный сезон. Каким он будет, какие пьесы и спектакли определит его гражданский накал и эстетический уровень, сказать пока трудно. А вот кое о каких уроках важнейшего сезона, который не уходит в Лету, а в чем-то аликает и на ее последующие, — можно и нужно поразмыслить.

Будем говорить прямо — минувший сезон не оказался нам удачным. Это не значит, конечно, что не было интересных спектаклей, что совсем не появилось правдивых пьес, современных режиссерских решений или актерских удач. Они были. Но не было главного — большого, умного, страстного рассказа о нашей современности и наших современниках, такого, сценического рассказа, в котором отразились бы не частности времени, не отдельные черты характеров, а само наше время, чтобы живые характеры советских людей вышли бы к нам, стали бы содержанием театрального искусства.

Жизнь и сцена не соединились в прошедшем сезоне в органическое целое, проблематика жизненных явлений и проблематика искусства не совпали в своих главных, решающих проявлениях. Все мы жили впечатлениями от встреч руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, встреч, наделивших художественную интеллигенцию на создание произведений большого гражданского накала, героического звучания, с волнением изучали решения июньского Пленума ЦК КПСС. А на сцене в это время обличали какого-то маленького обывателя, сажающего у своего дома два плодовых дерева. В космос взмывали Валерий Быковский и Валентина Терешкова, а на сцене в это время один герой находил потерянное любовное письмо, адресованное не ему, и шел на «чужое» свидание, чтобы вся эта неразбериха называлась комедией. В Москве подписывался исторический Договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, а на сцене в это время пенсионного возраста актриса просвещала темное, бескультурное Подмоскovie.

Да разве перечислить все те желемые, странные несоответствия между жизнью и сценой, которые, к сожалению, в изобилии встречались в минувшем театральном сезоне.

И вот что в первую очередь воспринимается резким расхождением с жизнью — отсутствие во многих наших пьесах, в наших спектаклях подлинно романтического накала, дыхания большой революционной романтики. Впрочем, быть может, деловая наша современность не нуждается в жарком романтическом пафосе, быть может, время революционной романтики прошло, и сегодня наступило время сугубо практических дел, время физики, отбросившей любые эмоции любую лирику? Как неверна сама постановка об этом небезопасном вопросе. Однако об этом необходимо говорить, потому что в некоторых произведениях драматургии и театра публицистический пафос произведений первых лет Октября был подменен всеводсихологизмом, камерностью, гражданский пафос революционного театра — бесплодным самонаваливанием «современных» героев. Причем все это во-

просы, носящие далеко не «чисто» эстетический характер. Нельзя отрывать романтику революционного искусства от содержания искусства сегодняшнего. Для нас революция — это и штурм космоса, и Договор о частичном запрещении атомных испытаний, революция — это и признание международного авторитета Советского Союза, революционный пафос — в триумфе советской науки, в исторических решениях XX и XXII съездов КПСС и во всемирных победах социалистической культуры. И нашу сегодняшнюю трудовую жизнь мы строим по ленинским законам, по компасу Великой Октябрьской революции. И все, что делается сегодня в нашей стране, в высшем смысле этого слова революционно.

А раз движется, ширится, торжествует в нашем трудовом дне революция, значит, живет, дышит, ведет людей к новым победам живая романтика наших деяний и планов. Было бы неверно думать, что формы проявления романтики, гражданского пафоса в искусстве могут всегда оставаться одинаковыми. Что «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского — это единственный образец произведения героико-романтического. Человек с ружьем, делающий революцию, в солдатской шинели, братишка в выдавшей виды тельняшке, первые наши комиссары в традиционных кожаных куртках, с огромными маузерами на боку, женщины в красных косынках, сражающиеся рядом с ними, олицетворяли романтику первых лет революции, романтику гражданской войны. А потом пела в сердцах романтика асенардных строев, романтика мирного трудового бытия людей. Рядом встала романтика сражений с врагом, суровая романтика тяжких и победоносных сражений с фашизмом. Высокий пафос живет сегодня в нашей борьбе за мир, в строительстве коммунистического общества.

В героях лучших наших пьес всегда кипело это самое романтическое жизнеощущение, жизнепонимание. Все, о чем мечтали передовые люди России, — и чеховское небо в алмазах, и горьковский гордый Человек, и его зовущий к подвигу Сокол, — все воплотилось в героях-романтиках из лучших наших пьес и спектаклей. Бесплодным представляется нам спор о том, радowym или необычным должен быть характер героя нашей драматургии, простой ли он человек или выдающийся. Люди, видящие счастье в труде, люди, в чьей крови всегда горит революционное пламя, люди огромной мечты и огромного дела — это необычные, прекрасные героические люди, и, конечно же, они одновременно и люди простые, потому что таких людей у нас миллионы.

Романтика сегодня — это страстная, горячая увлеченность своим делом, это умение не отделять личные заботы от большого общественного дела. И какие бы черты, рожденные сегодняшним днем, ни находили мы у современного героя драмы, мы не можем, не должны забывать о таких неизменных чертах, как высокая партийность, патриотизм, интернационализм, революционная романтика.

В. ПИМЕНОВ

Да, шире стал кругозор героя наших пьес, богаче внутренний мир. И все же нам этого будет мало, если новые качества не будут согреты, овеяны горячим революционным пафосом.

Как приземленно, далеко от подлинной романтики лижут подчас некоторые профессиональные, опытные наши драматурги! Особенно обидно, когда эта приземленность встречается в пьесах о современной молодежи, о современных романтиках, мечтателях, преобразующих землю.

Что общего с патристическими делами нашей молодежи имеет, например, новая комедия Н. Винокова «Вендетта»? Трудно даже пересказать содержание этой комедии, так оно надуманно, так далеко от жизни, так бесцельны и примитивны характеры молодых ее героев. В ней есть все — какие-то скелеты с зажимающимися глазами, кролики, принимаемые за грудных младенцев, собаки, нуждающиеся в особом уходе, и еще боже весть что. Нет только современной правдивой жизни наших молодых романтиков.

Так же выдуман, не напоен правдой жизни и другая комедия о нашей молодежи — «Чемодан с наклейками» Д. Угрюмова, пьеса, почему-то пришедшая по вкусу многим и столыцим, и нестолыцим театрам. И в этой пьесе молодежь предстает оглушенной, недалекоей. Живую романтику жизни подменяет искусственная, бодраясь сутюжена, где не разглядеть ни лиц, ни характеров, ни смысла.

Мы упоминали эти комедии не потому, что они самые худшие, просто они типичны.

А с другой стороны, мы подчас недооцениваем то что уже сделано нашими писателями, нашими театрами в области романтического видения жизни. Как мало, например, говорилось об одном из героев пьесы М. Зарудного «Антеи» — колхознике Якове Далеком, а ведь именно в его характере, характере этого молодого горячего коммуниста, по-настоящему далеком от схем и очень близком к жизни, можно было многое разглядеть. Недостаточно внимания уделено старому рабочему Забродину из пьесы «Ленинградский проспект» И. Штока. А этот характер — цельный и в высшей степени честный, в чем-то традиционный и в то же время очень современный — мог бы многое объяснить входящей в жизнь молодежи. Некоторые критики лишь упрекали образ председателя колхоза Родиана Нечая из комедии Корнейчука «Над Днепром»: то за схематизм в проявлении чувств, то за прямолинейность, то за какие-то еще провинности. Между тем в этом ярком, романтическом характере легко можно увидеть положительные черты человека нового, коммунистического. Не проанализирован в нашей театральной критике интересный образ другого колхозного вожака — Ивана Вудачева из пьесы В. Лаврентьева «Они продолжают путь». А такой анализ, несомненно, расширил бы наши представления и о современности, и о современном характере.

Мы мало пишем и думаем о настоящих успехах наших драматургов и театров, но зато долго

топчемся вокруг самых ничтожных «сенсаций». Длинные и пустопорожние дискуссии велись вокруг пьесы М. Шатрова «Глеб Космачев» и одноименного спектакля в Театре имени Ермоловой. Стоило появиться слабым пьесам, вроде «Танцев на шоссе» М. Львовского и З. Гердта или «Опасной тишины» А. Вейдлера и А. Мишарина, как опять — широкое обсуждение. Лучше бы направить энергию критиков на обсуждение тех пьес и спектаклей, где говорится о главных задачах и заботах эпохи. Да и вообще мы мало разговариваем о нашей драматургии.

Мы вовсе не призываем критиков или зрителей замалчивать плохое. Его надо обличать — гневно, умно, резко. Но, может, еще более важно уметь радоваться хорошему, уметь раскрыть новое, рожденное сегодня.

Большое, подлинное мастерство демонстрирует сегодня М. Астангов в спектакле Театра имени Вахтангова «Черные птицы». Образ большого и сложного современного содержания создает в спектакле Малого театра «Браконьеры» Б. Бабочкин. Отлично, подлинно народно играет Павлун Хуторую в вахтанговской «Стряпухе» Ю. Борисова. Да разве перечислить все интересные актерские работы в спектаклях о нашей современности? А где статьи о всех этих ролях, где критический их анализ, где настоящая творческая радость критиков? Ничего этого мы не найдем в нашей театральной прессе. Но зато каждый день мы читаем статьи о произведении какого-либо «модного» поэта, где так говорится об авторе, как никогда не говорилось о Пушкине, Блоке или Маяковском. Вот, скажем, пришли в драматургию новые молодые силы — В. Блянов, Ю. Эдлис, И. Соболев, А. Коломиец, Л. Митрофанов, О. Стукалов, М. Сторожева. Что ж, разве мы читаем ободряющие, поддерживающие их статьи? Ничего подобного. Не случайно так мало новых писателей идет в драматургию...

Театр, чтобы расти и двигаться, нуждается в радости пишущих о нем, он нуждается в любви людей, занимающихся им.

Как-то на одной из литературных дискуссий Александр Александрович Фадеев сказал: главное — образ положительного героя. Если удался этот положительный характер, не страшна никакая самая резкая критика недостатков, не страшны никакие остроты, яркие отрицательные персонажи. Это верно не только в отношении драматургии, но и критики.

Может показаться странным: мы начали с сетований на неудачный сезон, с упреков драматургам и театрам в том, что они не отражают коренных моментов нашей современной действительности, а заканчиваем призывом — радоваться успехам современного театрального искусства, бережно разговаривать с его талантливыми мастерами.

Но здесь нет противоречий: только тот имеет право на критику, кто видит успехи. И, признавая наших мастеров к романтическому видению жизни мы бы хотели, чтобы и критика наша умела говорить о театре приподнято, романтично...

Литературная газета, 1963, 21 сент.